

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА САДОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tatsad_90@mail.ru

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ МАГИЯ В РУССКИХ СНОТОЛКОВАНИЯХ

В традиционной фольклорной коммуникации народная этимология часто является источником возникновения различных культурных текстов – вербальных, акциональных, обрядовых. Н. И. Толстой назвал подобные факты этимологической магией. Например, на основе народной этимологии возникает множество погодных и суеверных примет, в составе которых употребляется имя христианского святого: *Посеешь лен на Олену* (день святых Константина и Елены) – *будут длинные льны*. В результате семантической аттракции созвучных слов возникает отдельный факт фольклорной культуры, более того, отдельный культурный текст. В статье исследуется роль народной этимологии в возникновении сногаданий, фольклорной формы, схожей по структуре с обычной приметой: *Видеть во сне печь – к печали*. На основе сближения созвучных номинаций происходит семантическое развитие исходного знака, в результате – левая и правая части сноприметы распространяются по законам внутриянровой синонимии. Этот механизм эволюции жанра сногадания сохраняется и в настоящее время. Народные снотолкования имеют характерные особенности выражения семантики обусловленности снознаков и их пророческого значения.

Ключевые слова: язык русского фольклора, сногадание, народная этимология, русская примета, жанровая синонимия, фольклорный текст

«<...> Чутье языка народом не выдумка, не субъективный обман, а категория (функция) действительная, положительная, которую можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами» [2: 50]. В ряду феноменов «наивной лингвистики» [1], содержащих это самое «чутье языка», имеющих свои факты и основания, особое место, безусловно, занимает так называемая народная (ненаучная) этимология, в самом общем виде определяемая в лингвистике как семантическое сближение родственных и неродственных слов, и прежде всего на основе их звуковой близости.

Народная этимология, имеющая в научной литературе множество эпитетов – «ложная», «наивная», «профанная», «окказиональная» и др., – одно из самых живучих и активных речевых явлений, до сегодняшнего дня не потерявших своих позиций в обыденной коммуникации.

Обратимся к той сфере речевого творчества, где она имеет особое, часто магическое, шире – текстообразующее, значение, если под текстом (в этнолингвистическом аспекте) понимать не только вербальное, но и поведенческое (акциональное) и ритуальное знаково-системное единство. При очевидной – онтологической – близости обыденной устноречевой и фольклорной коммуникации последняя имеет важнейшие отличия: она синкретично соединяет в себе прагматическую и эстетическую функции устного общения, она генетически риторична и как бы «надразговорна», поскольку вторично мотиви-

рована ритуальным, часто – магическим назначением.

Материалом для исследования послужили малые тексты сногаданий (снотолкований), которые и по структуре, и по типам семантических связей между левой и правой частями текста чрезвычайно схожи с погодной или суеверной приметой. Двухчастные снотолкования вполне «можно считать разновидностью примет» [6: 321], поэтому использование термина «снопримета» для их обозначения кажется вполне правомерным. Итак, материалом для статьи послужили сноприметы, основанием для возникновения которых оказывается так называемая этимологическая магия. «Лежащий в основе народной этимологии принцип семантического притяжения (аттракции) созвучных слов (независимо от их этимологического родства) имеет более общий характер и составляет одну из важнейших особенностей ряда архаических фольклорных и ритуально-магических текстов, которую можно назвать этимологической магией, смыкающейся с другими, неязыковыми (ритуальными, мифологическими) видами магии», – указывает Н. И. Толстой [6: 317]. Это определение этимологической магии ярко иллюстрируется, прежде всего, материалом календарных примет [6: 319], имеющих в своем составе немалочисленный ряд текстов, рожденных сближением неродственных слов по звучанию: чаще всего – это имя святого по Святцам и название природного явления, бытового и поведенческого факта [5: 122–124]. Данных

подобного свойства в этнографических и фольклорных собраниях множество. Так, в «Русском земледельческом календаре» А. Ф. Некрыловой имеются интереснейшие факты о различной интерпретации в разных районах России давно замеченной звуковой схожести имени *Елена* и слова *лен*. Начало июня, традиционное время высевания льна, совпадает с днем почитания святых Константина и Елены (3 июня), что и явилось основанием для бытования «разрешительной» приметы в Валдайском уезде: *Посеешь лен на Олену – будут длинные льны*, и прямо противоположной, «запретительной», – в Новгородской губернии: *В день святых Константина и Елены лен нельзя сеять <...> лен закоснеет* [4: 213].

Созвучие слов в условиях живой фольклорной (и устноречевой) коммуникации формирует представление о глубокой, безусловно мистической, взаимообусловленности предметов, явлений, фактов, обозначаемых такими словами. Случайное звуковое сходство приобретает устойчивый характер неслучайности, даже закономерности, что часто влечет за собой формирование целостных обрядов, создание сюжетных текстов, культурных и хозяйственных запретов: например, на преп. Иоанна Лествичника (12 апреля) «пекут из теста лестницы для восхождения в будущей жизни на небо» [4: 147]. Таким образом, народная этимология как факт наивной лингвистики становится источником вещных, культурных феноменов: языковое явление материализуется и становится частью предметного мира.

Сноприметы, снотолкования часто строятся по тому же принципу созвучия слов, именующих знак сна (снознак) и знак яви (снопрогноз): *Груши – грусть* (Колосов, 167)¹; *Лошадь – ложный обговор* (Колосов, 168); *Вино видеть или пить – быть обвиненным* (Колосов, 166); *Видеть во сне печь – к печали* (Смирнов, 36)²; *Девуца снится «к диву»* (Балов, 1890, 208)³; *Чайник – случится нечаянное* (Якушкина, 30)⁴; *Яйца во сне – кто-то явится* (СДК-50⁵, Котецко, 1990) и др.

Интересно, что иногда народная этимология недалеко от действительной; иными словами, внутрижанровой аттракции порой подвергаются слова однокоренные, в глубинной семантике близкие друг другу. Возьмем для примера соотношение «плетень – плести»: *Плетень – попасть в какие-либо сплетни* (Колосов, 169). Чутье языка в данном случае не подвело его носителя: *плетень* и *сплетни* – слова одного гнезда с вершиной *плести / сплести*: «вить, перевивать, решетить впереворку, пропуская под низ и наверх <...>» [3: III, 124]. Осознавал ли творец этой сноприметы содержательное и генетическое (по корню) родство сближаемых им слов, или это притяжение было спонтанным, рефлексивным, природным «чутьем языка»? Это определить сложно, вернее сказать, практически невозможно. Важно

другое: исходная, по созвучию слов (прежде всего) обнаруженная «связь» между снознаком *плетень* и прогнозом *сплетни* становится настолько устойчивой в традиции снотолкования, что позволяет затем развиваться своеобразной жанровой синонимией как в «левой», так и в «правой» части сноприметы, расширяя таким образом и содержание снопрогноза, и разнообразие снознака: (исх.) *Плетень – попасть в какие-либо сплетни* (Колосов, 169) → *Изгородь – к сплетням, напраслине* (Топорков, 38)⁶; *Видеть изгородь всех видов – сплетни, напраслина, поношение имени и чести* (Никифоровский, 135)⁷; *Плетень – продолжительность сплетен и неизвестность источника; частокол – мелкие сплетни с надеждою открыть злословие; отверстие в изгороди – клеветники; поваленная изгородь – поздно узнать о пережитой напраслине* (Никифоровский, 135).

Приведенные тексты с соотношением «плетень – сплетни» хорошо иллюстрируют традиционное в народном соннике расширение левой части за счет подбора в качестве синонимов-знаков таких слов, которые обозначают предметы, «этимологически-вещно» связанные с действием *плетения, свивания, переборки, кручения* и т. д. Как и прутья в плетне, эти предметы тонки, гибки и длинны (*нити, сети, пряжа, ткань* и т. д.). Перед нами факты собственно этимологической магии: вычлененные семы значения слова *плетень / плести* («плести (плесть) <...> плεχτή “веревка, сеть”, плоχή “плетение”, плόχος, плόχος “коса, заплетенные волосы”, <...> “плетеная корзина”» [7: III, 289]) становятся глубинными мотиваторами появления в тексте сноприметы с прогнозом «сплетни, напраслина» таких слов, которые обозначают предметы, обладающие этими же качествами: *Пряжа шерстяных ниток и приготовление сукна – безобидные и непродолжительные напраслины* (Никифоровский, 135); *Нитки, ткань, сети. Личное обращение с ними – домашние сплетни; обращение с ними посторонних – сплетни и напраслины от соседей; сети с рыбою или только чешуей, а также разостланные ткани указывают на то, что сплетники будут изобличены* (Никифоровский, 135). Вероятно, до сегодняшнего дня бытуют снотолкования с подобными аналогиями, возникшими в процессе расширения первичного соотношения похожих по звучанию слов («плетень – сплетни»): *Снопы вязать – к плохим разговорам* (СДК-29, Лампожня, 1986); *Голый веник во сне увидишь – шум про тебя будет* (СДК-48, Ивановское, 1990).

В границах народного сонника, таким образом, происходит своя внутрижанровая символическая и, как следствие, лексическая «специализация» для обозначения однажды найденных посредством народной этимологии соответствий

между словами-знаками сна и прогноза. Рассмотрим еще один ряд снотолкований с соотношением компонентов: *Печь – печаль* (Колосов, 169) → *Печь подтапливать – поджигать кого-либо на ссору* (Колосов, 169); *Печь – к беде* (Балов, 213); *Печь видеть – быть под надзором у сильного и властного человека* (Дерунов, 151)⁸; *Видеть во сне хлеб печеный – означает печаль* (Харламов, 26)⁹; *Печенье хлеба указывает на то, что известие о несчастье получится путем устного сообщения; печенье блинов и лепешек – письменное сообщение о том же* (Никифоровский, 137).

Расширение зоны и снознака, и снопрогноза происходит тремя основными путями лингвистического свойства: а) употребление производных от исходного корня слова-знака: *печь* → *печенье, печеный* (хлеб); б) употребление синонимов или семантически близких слов и сочетаний, создающих внутрижанровое семантическое поле: *печаль* → *ссора, надзор у сильного и властного человека, известие о несчастье, беда*; в) употребление с ядерным словом-знаком в обеих частях снотолкования иных слов, имеющих соотносимую, обобщенно сходную семантику: *Печь подтапливать – поджигать кого-либо на ссору* (Колосов, 169); *Печь развалившаяся – освобождение от печали* (Колосов, 169); *Видеть печную топку – к печали, по случаю болезни, нужды и великого несчастья* (Никифоровский, 137). Немаловажную роль в расширении обеих частей сноприметы играет контаминация основного со-

держания текста (здесь – построенного на связи «печь – печаль») с устойчивыми соотношениями некоторых знаков других снотолкований: ср.: *Печенье хлеба указывает на то, что известие о несчастье получится путем устного сообщения; печенье блинов и лепешек – письменное сообщение о том же* (Никифоровский, 137). В народном соннике многочисленны примеры соотношений «блины – письмо» ↔ *Блины – получение письма* (Колосов, 166); *Блины – к письму* (Балов, 208); *Пирог снятся к письму* (Балов, 213).

Интересны «этимологические» соотношения, демонстрирующие «чутье языка» в естественной фольклорной коммуникации: учет (или чувствование?), например, исторически обусловленного общерусского чередования *к // ч* позволяет выделить пару «река – речи» в ряде снотолкований: *Реку видеть – слышать речи* (Дерунов, 149); *Видеть реку – слышать речи, будет важный разговор, сплетни* (Топорков, 37). Возможны и здесь синонимические замены: *Река – разговоры* (Колосов, 170).

Снотолкования развивают свои внутрижанровые семантические связи, часто не только основанные на общефольклорных символических соотношениях (например, *кольцо – свадьба; птица – покойник*), но и возникшие как результат наивной этимологии, в свою очередь являющейся ярким свидетельством чуткости носителя языка к родному слову.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Колосов М. Архивные материалы по народному русскому языку и народной словесности // Русский Филологический вестник. 1879. Т. II. С. 150–173 (Колосов).
- ² Смирнов В. Народные гадания Костромского края (очерки и тексты) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XXXIX. Кострома, 1926–1927. С. 17–19 (Смирнов).
- ³ Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях // Живая старина. 1890. Вып. IV. С. 208–213 (Балов).
- ⁴ Якушкина Е. И. Народный сонник из Каргополя // Живая старина. 1999. № 2. С. 29–30 (Якушкина).
- ⁵ Архив «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» кафедры рус. яз. СПбГУ (СДК).
- ⁶ Топорков А. Л. Предсказания судьбы, или Самый верный способ узнать свое будущее посредством гадания, примет и толкования снов. М., 1990. 64 с. (Топорков).
- ⁷ Никифоровский Н. Я. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 133–139 (Никифоровский).
- ⁸ Дерунов С. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 149–151 (Дерунов).
- ⁹ Харламов М. Суеверия, поверья, приметы и заговоры, собранные в гор. Майкопе // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. XXXIV. Отд. III. Тифлис, 1904. С. 1–28 (Харламов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М., 2000. С. 7–19.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т. I. М., 1963. 385 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык Медиа, 2003. Т. III. 555 с.
4. Некрылова А. Ф. Круглый год: Русский земледельческий календарь. М.: Правда, 1991. 496 с.
5. Садова Т. С. Народная примета как текст. Лингвистический аспект. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 212 с.
6. Толстой Н. И. Народная этимология и этимологическая магия // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 317–333.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. III. М.: Прогресс, 1986. 832 с.

Sadova T. S., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ETYMOLOGICAL MAGIC IN RUSSIAN INTERPRETATIONS OF DREAMS

In traditional folklore communication the folk etymology often acts as a source for the origin of various cultural texts: verbal, action-based, and ceremonial. N. I. Tolstoy called such linguistic facts the etymological magic. A set of weather and superstitious signs evolved on the basis of folk etymology. The study shows that some verbalized superstitions include the names of various Christian Saints: *Poseesh lyon na Olyoenu* (Sow flax on the day of the Saints Konstantin and Elena – and yield good harvest) – *budut dlinnyie lnyi*. The semantic attraction of accordant words, consequently, results in the appearance of separate facts of folklore culture, and moreover, in separate cultural texts. The role of the folk etymology in dream telling practice is investigated. The dream telling practice is the folklore form similar in the interpretation and structure to a usual sign: *Videt vo sne pech – k pechali*. On the basis of rapprochement of accordant nominations a semantic development of the initial sign is developed. As a result of the process the left and right parts of the “dream sign” become widely used under the laws of the intra genre synonyms’ spread and popularization. Today the evolution of the dream telling genre is based on the same mechanisms as in the earlier days. Folk interpretations of human dreams have semantic characteristics typical for the semantics of “dream signs” and their prophetic value.

Key words: Russian folklore language, folk interpretations of dreams, folk etymology, Russian folk signs, genre synonymy, folklore text

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Naive reflections on the naive picture of language [Naivnye razmyshleniya o naivnoy kartine yazyka]. *Yazyk o yazyke*. Moscow, 2000. P. 7–19.
2. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu: V 2 t.* [The chosen works on general linguistics]. Vol. I. Moscow, 1963. 385 p.
3. Dal’ V. I. *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the great living Russian language]. Moscow, 2003. Vol. III. 555 p.
4. Nekrylova A. F. *Kruglyy god: Russkiy zemledel’cheskiy kalendar’* [All year round: Russian agricultural calendar]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 496 p.
5. Sadova T. S. *Narodnaya primeta kak tekst. Lingvisticheskiy aspekt* [National primeta as text. Linguistic aspect]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2003. 212 p.
6. Tolstoy N. I. National etymology and etymological magic [Narodnaya etimologiya i etimologicheskaya magiya]. *Yazyk i narodnaya kul’tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 1995. P. 317–333.
7. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. III. Moscow, Progress Publ., 1986. 832 p.

Поступила в редакцию 25.03.2016